
РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИКИ)¹

Е.В. Михайлова

*Электронная научная библиотека
по гражданскому обществу,*

А.П. Скогорев

Российский государственный социальный университет

Аннотация: *В статье представлены результаты исследования репрезентации в российских СМИ информационных технологий и их роли в формировании гражданского общества. Авторами характеризуются основные объекты политической активности в Интернете. Выявляются направления политического участия, наиболее эффективно реализующиеся с помощью Интернета. Анализируется активность в Интернете политической оппозиции и её результаты. Интернет-практики могут быть как источником демократических трансформаций, так и порождать серьёзные угрозы для продуктивного взаимодействия власти и общества.*

Ключевые слова: *гражданское общество, власть, гражданская активность, интернет-практики, сетевые коммуникации.*

Информационно-технологическая революция конца XX столетия предопределила интенсивное развитие информационной сферы, что привело к существенному изменению структуры нашего общества. Стремительно вошедший в нашу жизнь Интернет существенно расширил коммуникационное пространство, в том числе изменил привычный взгляд на природу взаимодействия власти и общества. Его растущее влияние, охват аудитории, явные и потенциальные возможности неизбежно вызвали острую борьбу дискурсов и в научной литературе, и в медийном пространстве².

Как известно, в западных странах Интернет, равно как и гражданское общество, развивается достаточно независимо от государства. Развитие большей части коммуникационной

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00262а «Динамика развития гражданского общества в современной России»).

² Материалом настоящего исследования стали публикации в СМИ, принадлежащих к разным сторонам общественно-политического спектра — «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета», «Новая газета», «Труд», «Советская Россия», «Правда», «Lenta.ru» и «РБК».

среды, включая и гражданское общество, в России происходит под государственным надзором. Из теоретической плоскости вопрос о способах государственного регулирования Интернета не давно перерос в плоскость практическую, став составляющей государственной информационной политики и предметом дискуссий общественности, поскольку *не учитывать и не замечать факт расширения технологических возможностей государства как регулятора Рунета отрасль и техническое сообщество [...] не могут — уж больно громкой стала в последние годы государственная поступь в российском сегменте Сети* [Демидов 2016].

В начале 2016 г. у Президента РФ официально появился новый советник. Герман Клименко — председатель совета Института развития интернета (ИРИ) и владелец компании LiveInternet был утверждён в должности советника президента по интернету. *Здравый смысл вкупе с классической политологией говорят, что гибридный режим, несмотря на высокую непредсказуемость принимаемых в нем решений, создаёт новые структуры-медиаторы (а ключевой своей задачей Клименко видит именно создание площадки для диалога, коммуникации), подчиняясь логике т. н. «испорченного института». С одной стороны, такой медиатор должен имитировать учёт мнения общества и ретрансляцию позиции конкретных социальных групп во властные структуры, а с другой — служить прикрытием принимаемых этой властью непопулярных решений. Похоже, что все это в нужный момент и сумел продемонстрировать Клименко, став своеобразной инструкцией по тому, как стать в российской системе новым «испорченным институтом»* [Комин 2016].

В июле В. Путин подписал антитеррористический пакет законов депутата Госдумы Ирины Яровой и сенатора Виктора Озерова [Федеральный Закон... 2016]. *Несмотря на протесты ведущих IT-компаний, мобильных операторов и интернет-сообщества, документ был одобрен Госдумой во всех трех чтениях, а его авторы, по словам источников «Ленты.ру», не только не учли предложенные участниками рынка поправки, но и вообще не обращались к ним за консультациями.* Документ вызвал жесточайшую критику широкой общественности за нарушение конституционных прав граждан, поскольку его авторы обязали соцсети, мессенджеры и телеком-операторов в течение полугода хранить все данные о пользователях и предоставлять к ним доступ по требованию спецслужб. Более того, компаниям предъявлены требования выдать госорганам инструменты для дешифровки защищённых сервисов.

Куда большее недовольство интернет-общественности вызвало даже не наступление государства на сетевую приватность, а неподъемные расходы на исполнение законодательных требований. В «МегаФоне» затраты оценили в 20,8 миллиарда долларов, в «Вымпелкоме» — в 18 миллиардов долларов, в МТС — в 22,7 миллиарда долларов. К слову, за 2015 год «большая тройка» и Tele2 заработали 17,8 миллиардов долларов.

Но самое главное, что если российские соцсети и мессенджеры подчинятся требованиям пакета Яровой, то Facebook, WhatsApp и Telegram, скорее всего, их проигнорируют, как уже произошло с переносом данных россиян на расположенные в стране серверы [Болотов, Тодоров, Евтушенко 2016]. И если Председатель комитета Совета федерации по конституционному законодательству Андрей Клишас убеждён, что государство имеют право *контролировать интернет-трафик в стране и регулировать всю сферу интернета* для предотвращения попыток зарубежных стран воздействовать на гражданское общество [Редакция... 2016а], то очень многие из граждан придерживаются иной точки зрения. Так в августе в столичном парке «Сокольники» прошёл митинг против так называемого «пакета Яровой». *На официальной странице мероприятия говорится, что он организован «в защиту 23 и 24 статей Конституции, против интернет-цензуры и интернет-слежки, за свободу интернета в России». Также организаторы митинга заявляют, что они против уничтожения интернет-отрасли. [...] Многих собравшихся беспокоит, что «пакет Яровой» обя-*

В Контакте хранить содержание разговоров и переписки клиентов в течение шести месяцев, а метаданные об их активности — на протяжении трех лет [Редакция... 2016b].

На сайте «Российская общественная инициатива» (РОИ) 8 июля 2016 г. открылось голосование за отмену закона Яровой. К вечеру того же дня число его противников перевалило за 17 000, а к 20:00 воскресенья это предложение поддержали почти 35 000 человек [Афанасьева, Мухаметшина 2016]. Представляется целесообразным попутно отметить, что в России существует, но ещё не отработан механизм учёта позиций общественности, которые фиксируются на делиберативных площадках. Согласно Указу Президента РФ «О рассмотрении общественных инициатив, направляемых гражданами РФ с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [О рассмотрении общественных инициатив... 2013] от 2013 г., федеральная общественная инициатива, набравшая от 100 тыс. голосов, направляется на рассмотрение Государственной думе РФ. Однако за прошедшие три года ни одно из 9 общественных предложений, выдержавших испытание количеством единомышленников, не оформилось в законопроект. Это свидетельствует о разрыве между общественным мнением и реальными политическими действиями [Садилова 2016: 102]. Поэтому *координатор движения «Синие ведёрки» Петр Шкуматов считает, что сервис РОИ совершенно бесполезен, а голоса против закона не будут иметь значения для властей. Инициатива самого Шкуматова о борьбе с мигалками тоже набрала 100 000 голосов, но даже не дошла до Госдумы, напоминает активист: «Не ясно, кто эти люди в совете экспертов, их никто не выбирал, и не ясно, кто их наделил полномочиями решать за 100 000 человек»* [Афанасьева, Мухаметшина 2016]. Вместе с тем, голосование на сайте РОИ высветило серьёзную проблему, получившую название *слактивизм* [Садилова 2016: 101]. Он выражается в механическом выставлении «лайков», подписи онлайн-петиции и т. д. Подобные интернет-практики являются примером «ленивой коммуникации», когда люди совершают электронные манипуляции, не пытаясь понять и разобраться в их сути, понять, что за этим стоит. Например, количество подписавших онлайн-петицию может составлять тысячи человек, но фактически выступить в защиту той или иной инициативы гражданского общества готовы лишь единицы, поскольку, как отметил А.М. Долгоруков, большинству пользователей свойственна не проактивная, а реактивная деятельность [Долгоруков 2015: 38].

В конце 2016 г. Президент РФ утвердил новую доктрину информационной безопасности России. Соответствующий указ и текст доктрины опубликованы 6 декабря на официальном портале правовой информации [Доктрина информационной безопасности... 2016]. Прежняя доктрина, утверждённая президентом в сентябре 2000 г., признана утратившей силу. Доктрина представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности государства в информационной сфере. Среди национальных интересов России в информационной сфере первым пунктом указаны обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизм взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа России.

Доктрина диктует необходимость защищаться от хакерских атак и беречь молодёжь от информационного воздействия извне, которое оказывается «в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Редакция... 2016с]. Утверждённый документ вызвал неоднозначную реакцию у общественности. Так *председателю партии «Западный выбор» Константину Боровому доктрина напомнила советские документы «борьбы за мир во всем мире»*. «Каждый раз, когда такие документы появлялись в СССР,

это означало начало нового военного конфликта, в котором СССР планировал принять участие. Вьетнам, Куба, Ангола, Никарагуа, Ближний Восток...» — написал он в блоге на сайте «Эха Москвы» [Райбман 2016]. Кроме того, эксперты и бизнесмены не сошлись во мнении о том, в должной ли степени в доктрине отражено место частного бизнеса в борьбе с информационными угрозами [Кучер 2016].

Стоит отметить, что вышеперечисленные документы законодательно закрепили уже достаточно долгое время реализуемую практику. Летом 2016 г. Роскомнадзор по настоянию Генпрокуратуры заблокировал доступ к информации на четырёх Интернет-ресурсах, поскольку их публикации содержали материалы агитационного характера «с целью популяризировать среди населения России идею бойкота выборов» в Госдуму, а «деятельность по организации срыва выборов» подрывала основы конституционного строя. Кроме того, на этих сайтах осуществлялась координация действий граждан по организации несанкционированных протестных мероприятий, указывало ведомство. Директор центра «Сова» Александр Верховский обратил внимание на отсутствие запрета на призывы к бойкоту выборов в законодательстве: «Вот если бы вместо выборов кто-то призвал пойти на марш или громить избирательные участки, то это можно было бы заблокировать» [Мухаметшина 2016]. Весной 2016 г. РБК отмечала, что с экстремизмом в Сети борются все силовые ведомства: МВД, ФСБ, Следственный комитет. **Сотрудники этих ведомств сами ищут в социальных сетях провоцирующие материалы... [...] Причём заниматься этим могут не обязательно профильные «борцы с экстремизмом» — нередко сотрудники того же МВД собирают материал под приговоры по экстремистским статьям «для исполнения «палочной» отчётности»...** Отправить жалобу на пользователя, заподозрив того в распространении экстремистского контента, может кто угодно — физическое или юридическое лицо. На сайтах МВД и Генпрокуратуры есть даже специальные онлайн-формы, через которые рекомендуется подавать подобные обращения. *На очищение Сети от экстремистского контента также нацелены органы прокуратуры... Прокурор может направить провайдеру требование заблокировать доступ к сайту или обратиться в суд с требованием признать некий материал в интернете противозаконным* [Антонова, Рождественский, Осипов 2016]. Таким образом, новые нормы закона существенно облегчили работу оперативников, которые могут найти преступников в сети и выполнить план буквально за 15 минут, отмечает Александр Верховский из центра «Сова». По данным этой организации в 2011 г. за преступления экстремистского характера были осуждены 78 человек, из них за совершенные в интернете — 52, или 66 %. К 2015 г. число приговорённых выросло втрое, до 232, причём доля интернет-преступников достигла 84 % (194 человека) [Аптекарь 2016]. В полной мере ощутило на себе интернет-сообщество и действие печально известного Закона «Об иностранных агентах» [Федеральный Закон... 2012]. Сайт «Парк Гагарина» в Самаре заклеили «иностранном агентом» так быстро, что его главный редактор Сергей Курт-Аджиев даже пикнуть не успел. По жалобе гражданина, пожелавшего сохранить анонимность, оперуполномоченный ГУ МВД с понятиями произвёл ОРД, или «акт исследования сайта», то есть сделал то же самое, что ежедневно делают здесь сотни его читателей. Ряд публикаций (это подтвердил потом и эксперт) оказались «направлены на формирование общественного мнения» относительно проводимой государственными органами политики, работы судов и следственных органов и др. [Никитинский 2016] Таким образом «Фактически у нас на глазах происходит становление нового управленческого механизма, призванного, по мнению некоторых экспертов, «обуздать» интернет-коммуникацию. Иными словами, многочисленным пользователям российского сегмента Всемирной паутины сегодня угрожает вполне реальная опасность все возможных санкций со стороны государственных структур. И в таком случае принадлежность этой сферы к гражданскому обществу окажется под вопросом» [Балакирева 2010].

В связи с развитием информационных технологий быстро меняются и методы борьбы за власть, потому что эффективность их в значительной степени определяется качественными характеристиками коммуникационных процессов — мгновенностью связи, распространением данных, идей, символов. «Власть изменилась, ушла от старой иерархии, создавая гораздо более подвижную, разнородную систему с постоянно меняющимися центрами власти. Новые коммуникационные технологии также подрывают иерархии в правительстве, поскольку предоставляют возможность полностью обходиться без них» [Тоффлер 2003], — отмечает американский социолог Э. Тоффлер, которого часто ставят в один ряд с ведущими специалистами по информационному обществу. Однако само по себе использование интернет-технологий в борьбе за власть далеко не всегда приводит к положительным результатам. **Последние выборы в Государственную думу отличаются помимо прочего ещё и тем, что проходили они в условиях высочайшей компьютеризации населения, неограниченного доступа к интернету, широкой вовлеченности граждан в социальные сети.** С учётом почти стопроцентного охвата страны мобильной связью можно говорить о том, что Россия в полном смысле слова является информационным обществом. [...] таковым обществом труднее манипулировать, используя пропаганду или административный ресурс, ибо о любых проделках власти граждане будут моментально оповещаться и, соответственно, смогут им противодействовать. Однако результаты выборов свидетельствуют об обратном. «Единая Россия» получила рекордный результат... И это в условиях «многопартийного» выбора и на фоне победных репортажей о том, что уже пять сайтов обогнали по популярности «Первый канал». **Парадокс** заключается в том, что **через интернет нельзя заставить интересоваться тем, что неинтересно.** А выборы в массе своей людям были неинтересны. Они не видели в них чего-то значимого личного для них или для страны. **Интернет — избирательное средство коммуникации.** Оказалось, что свободное распространение информации (а за редкими исключениями цензура в Рунете не введена) вовсе ничего не гарантирует или меняет априори. Паттерны общественного поведения меняются крайне медленно, более того, они могут закрепляться и консервироваться с помощью Сети; недаром там активно вербуются исламские боевики-радикалы [Артемьев 2016]. Таким образом, интернет-практики зачастую можно сравнить с «эффектом плацебо»: когда оболочка в виде массовой сетевой поддержки имеется, а само внутреннее наполнение лишено содержания действия [Садилова 2016: 101].

Видимо, отсюда — мнение о растущем интерактивном политическом участии граждан и расширяющихся возможностях демократии в Сети. Тогда как в действительности уровень политической активности и участия россиян остаётся на сравнительно невысоком уровне. Поэтому об «электронной демократии» в России как о многомерном явлении с высокой результативностью говорить преждевременно.

При этом очевидна борьба между властью и оппозицией за овладение ключевыми позициями в сфере информационных технологий. Поэтому **Михаил Ходорковский поддержит медиастартапы, которые будут заниматься расследованиями и публиковаться в соцсетях.** На каждый из них он готов потратить до 30 млн руб. «СМИ — важный элемент гражданского общества, и нельзя позволить его угробить, иначе после смены режима опять будем раскачиваться годы, а их нет», — считает Ходорковский, по мнению которого «стране нужен кадровый резерв в этой сфере, не убитый привычкой соглашательства с властью». [...] Выбор соцсетей в качестве платформы «Открытых медиа» логичен, потому что **именно соцсети сейчас являются основной средой распространения информации,** и значительная часть людей уже даже не открывает медийные сайты, считает завкафедрой новых медиа журфака МГУ Иван Засурский [Антонова 2016]. В действительности можно отметить, что распространение Интернета не только способствовало определённой консолидации общества, но, с другой стороны, вызвало его расслоение. **Общество расслаивается,**

делится *на тех, кто черпает новости только из подконтрольных власти СМИ, прежде всего радио и ТВ, и тех, кто выбирает из более широкого круга, включая всё ещё по какой-то недоработке менее подконтрольные газеты и сайты в Сети. В результате людям трудно найти общий язык — они живут в совершенно разном информационном поле. Для одних все происходящее — сплошная цепь гениальных ходов и безусловных побед наших властей. А все плохое — это где-то там, в Европе, особенно на Украине. Если же что-то плохое и у нас, то исключительно в силу козней внешних неприятелей. Для других картина вырисовывается совершенно иная и, как минимум, вовсе не столь однозначная* [Болдырев 2016]. Данное расслоение также связано с естественной мировоззренческой и психологической разницей между поколениями, старшее из которых, как правило, тяготеет к привычным средствам массовой информации, прежде всего, к телевидению, вызывающему резкую критику у многих слоев общества. **Телевизор — это религия. Я бы сказал, секта. Он делает так, чтобы люди не знали, не убеждались, а именно верили в то, что по нему говорят. В «кольце врагов» вокруг России люди же верят. При этом они выезжают за границу, возвращаются и говорят: «Мы в кольце врагов!» [...] Это вопрос веры, а не знания. Человек ищет обоснования своим убеждениям. Пока он смотрит телевизор и верит, что наши корабли бороздят просторы вселенной, ему легко жить в далёкой деревне без водопровода и без дороги. Ребёнок его ходит в школу за 15 километров, а он тем временем думает, что где-то далеко, в тёплых морях плывёт авианосец, который представляет его страну. А когда он начинает видеть это по-другому, ему становится грустно и обидно. Ради чего у него нет дороги, а топит он дровами, а не газом? Телевизор помогает людям закрыть глаза на то, что они не хотят видеть, и отвлекает на другое** [Зотова 2016].

Младшее же поколение практически живёт в Интернете. Прежде всего, речь о так называемом «поколении Z». Термин появился в рамках «теории поколений», созданной в 60-х годах прошлого века британским исследователем Д. Деверсон и американским журналистом Ч. Хамблеттом. **Изначально речь шла о поколениях X и Y, но со временем на горизонте появилось и поколение Z. Основной отличительной особенностью этого поколения называют то, что интернет и высокие технологии являются для него естественной средой обитания. Именно это поколение иногда называют «цифровыми людьми». В России поколение Z — это люди, родившиеся в середине 1990-х годов. [...] это первое поколение, выросшее после распада СССР и лишённое его установок. Их детство пришлось на время, когда старые моральные и идеологические принципы уже не действовали, а новых практически не было. Да и сейчас они только формируются. Это, безусловно, повлияло на мировоззрение подрастающего поколения** [Канакова 2016]... Кроме того, в силу естественной психологической лабильности это поколение оказалось наиболее уязвимым для воздействия со стороны так называемых кибер-преступников, хулиганов и откровенных маньяков, трудноуловимых и поэтому достаточно свободно чувствующих себя на просторах Рунета. **Одного из задержанных зовут Филипп Будейкин, но в сети он больше известен как Филипп Лис. По версии следствия, с декабря 2013-го по май 2016 года вместе с сообщниками он создал в соцсети восемь виртуальных сообществ, где открыто пропагандировался суицид среди детей. По данным Следственного комитета России, от действий подобных виртуальных сообществ пострадали не менее 20 подростков. По формулировкам ведомства, на детей воздействовали с помощью «чётко выверенной с психоэмоциональной точки зрения тактики». 15 из них совершили самоубийства в разных регионах страны, суициды ещё пяти человек, к счастью, не состоялись. Психолог отмечает, что интернет ожидаемо стал эффективной площадкой для повышения популярности среди сверстников, ведь суицидальные записи массово провоцируют их на ответную реакцию: «Соцсети помогают получить максимальный охват аудитории»** [Тодоров, Поворазнюк 2016]. Таким образом, свобода интернет-поль-

зователей оборачивается весьма печальными последствиями, а возможность выступать анонимно открывает доступ к широкой аудитории людям, нравственные установки которых, мягко говоря, вызывают сомнения... *Под Рождество в интернете активизировалась вся нечисть, особенно такие тролли, как, скажем, Вера Панова якобы из Череповца с чужой приглядной фотографией и с разнузданной русофобией...* На самом деле Вера Панова — это прыщавый пожилой юноша, имеющий 150 аккаунтов и распространяющий русофобские материалы в Фейсбуке. За деньги [...] Так, весь мир стал выражать соболезнование по поводу гибели артистов и журналистов после страшной вести о катастрофе ТУ-154, все нормальные люди скорбели, вспоминали, искали слова, а яблочные черви — возрадовались! **Некто Максим Болотин написал: «Хорошо, что лиза там была».** Вот так — с маленькой буквы... [Бобров 2016].

Обобщая результаты анализа репрезентации информационных технологий и их влияния на развитие гражданского общества, представляется целесообразным отметить следующее:

- Стремительное распространение информационных технологий среди жителей России сократило расстояния и привело к активизации самых разных слоёв населения. *Что объединяет большинство жителей Якутии — от оленевода до главы республики? Это не язык и не культурные особенности. Это способ коммуникации. Не у всякого якута есть олени или собачья упряжка. Но почти у каждого есть телефон с «Батсапом» ... [...] ...обычный мессенджер стал здесь не только основным средством общения, но и реальным инструментом гражданского общества. «Для нас „Батсап“ — это жизнь», — говорит Савва Михайлов, первый заместитель министра по развитию институтов гражданского общества. (Министерство создано нынешней весной, но уже получило расхожее прозвище «Минразгроб»)* [Васильев 2016].

- Сеть Интернет формирует виртуальные сообщества, стирает границы между государствами, элиминирует расстояния, разъединяющие людей и, в конечном итоге, создаёт вокруг себя специфическую форму культуры — киберкультуру. В этом специфическом информационном среде действуют особые этические принципы и основанные на них правила поведения [Левашов, Сарьян, Назаренко и др. 2016: 15].

- К сильным сторонам Интернета многочисленные исследователи относят простоту реализации горизонтальных коммуникационных связей, позволяющую пользователям преодолевать барьеры политической субординации и иерархии.

- Наполнение Интернета включает в себя важнейший ресурс-информацию. По материалам опросов очевидно, что для большого числа пользователей информационно-коммуникативная среда Интернета это «единственная возможность прорвать информационную блокаду со стороны СМИ» и «альтернатива властным медиа» [Соколов 2014].

- В политических кампаниях Интернет используется пока фрагментарно. Где-то его возможности не подключаются из-за неэффективности, например, в малых городах и посёлках, где-то из-за отсутствия доступа к сети. Однако можно говорить о наличии потенциала Интернета как инструмента политической борьбы, влияния на общественное мнение и концентрации гражданской активности.

- Существующая модель интернет-пространства является благодатной почвой для любых форм оппозиции и протеста, их консолидации.

- Мультиэффект от развития интернет-практик объективно предопределяет вмешательство государства, которое неизбежно в связи с необходимостью борьбы с фейками (ложным контентом), спамом, хакерскими нападениями и кибертерроризмом.

- Это вмешательство, в свою очередь, обостряет проблемы соблюдения гражданских прав и предполагает определение рамок свободы действий членов интернет-сообщества. Однако представляется крайне затруднительным чётко обозначить линию, отделяющую права

граждан и их возможности как интернет-пользователей от конституционной обязанности государства по защите своих граждан.

- Поэтому интернет-практики могут как стимулировать демократические изменения в виде роста гражданского участия и расширения площадок диалога власти и общества, так и становиться угрозой для их плодотворного взаимодействия.

В целом, можно сказать, что в Интернет-пространстве как в зеркале отражается множество проблем российского гражданского общества.

Антонова Е. 2016. Ходорковский начнет финансировать журналистские расследования. — *РБК*. — 29.09.2016.

Антонова Е., Рождественский И., Осипов И. 2016. Два года за репост. — *РБК*. — 07.05.2016.

Аптекарь П. 2016. Антиобщественное право применение. Даже самые плохие законы всегда есть кому использовать. — *Ведомости*. — 04.07.2016.

Артемов М. 2016. Ненужная свобода: почему интернет не помог российской оппозиции. — *РБК*. — 20.09.2016.

Афанасьева Т., Мухаметшина Е. 2016. Народ против закона Яровой. Петиция за отмену закона Яровой на сайте «Российская общественная инициатива» собрала за три дня более 35 000 голосов. — *Ведомости*. — 10.07.2016.

Балакирева Н. 2010. *Управляемый Интернет: возможности и пределы*. — Доступно: https://www.civisbook.ru/files/File/Balakireva_Tetr_51.pdf. — Проверено: 10.01.1017.

Бобров А. 2016. Бездна горя и болото нечести. — *Советская Россия*. — 27.12.2016.

Болдырев Ю. 2016. Так война или мир? — *Советская Россия*. — 23.07.2016.

Болотов А., Тодоров В., Евтушенко А. 2016. Лги, следы, вскрывай. Почему 2016 год навсегда изменил судьбу интернета. — *Lenta.ru*. — 26.12.2016.

Васильев Ю. 2016. Такой вот «Батсаап», однако... Мессенджер по-якутски — электронная демократия, оленина и коттики в одном флаконе. — *Lenta.ru*. — 02.09.2016.

Демидов О. 2016. Что меняет новый закон об Интернете. — *РБК*. — 17.06.2016.

Доктрина информационной безопасности... 2016. *Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. 2016*. — Доступно: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbo dy=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102417017/>. — Проверено: 13.01.2016.

Долгоруков А.М. 2015. Интернет и будущее социологии. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — № 2.

Зотова Н. 2016. Петр Офицеров: «Телевизор — это секта». — *Новая газета*. — 09.12.2016.

Канакова А. 2016. Как заставить работать 20-летних. — *РБК*. — 3.05.2016.

Комин М. 2016. Гибридный советник. — *Новая газета*. — 11.01.2016.

Кучер С. 2016. Владимир Путин: монополизация интернета невозможна. — *Коммерсант*. — 08.12.2016.

Левашов В.К., Сарьян В.К., Назаренко А.П., Новоженина О.П., Тощенко И.Ж., Шушпанова И.С., Саломатина Е.В. 2016. Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества. — *Социологические исследования*. — № 9.

Мухаметшина Е. 2016. Призывы к бойкоту выборов приравнены к свержению власти. Хотя оснований для этого в антиэкстремистском законодательстве нет, говорят эксперты. — *Ведомости*. — 16.07.2016.

Никитинский Л. 2016. Патриотизм, и ничего личного. Будни праздников в Самаре. Овны и козлища в третьем секторе. — *Новая газета*. — 14.10.2016.

О рассмотрении общественных инициатив... 2013. *О рассмотрении общественных инициатив, направляемых гражданами РФ с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»*: указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. N 183 [Электронный ресурс]. — Доступно: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/460360/>. — Проверено: 07.01.2017.

Райбман Н. 2016. В России сменилась доктрина информационной безопасности. Россия будет защищать права и свободы человека и суверенитет в информационном пространстве. — *Ведомости*. — 06.12.2016.

Редакция... 2016а. Редакция: Андрей Клишас: государство имеет право регулировать интернет. — *Коммерсант*. — 28.11.2016.

Редакция... 2016б. Редакция. Митинг против «пакета Яровой». — *Советская Россия*. — 11.08.2016.

Редакция... 2016с. Редакция. Минкомсвязи готово привести законы в соответствие с новой информационной доктриной. — *Ведомости*. — 06.12.2016.

Садилова А.В. 2016. Проблемные аспекты интернет-практик взаимодействия власти и общества. — *Вестник Пермского университета. Политология*. — № 3.

Соколов А.В. 2014. *Особенности реализации политического участия в Интернете в современной России*. — Доступно: https://www.civisbook.ru/files/File/Sokolov_A.pdf. — Проверено: 10.01.2017.

Тодоров В., Поворазнюк С. 2016. «Они видят, как убого живут их родители». Почему российские подростки хотят свести счеты с жизнью. — *Lenta.ru*. — 15.11.2016.

Тоффлер Э. 2003. *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века*. — Доступно: URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000261/st005.shtml>. — Проверено: 10.01.2017.

Федеральный Закон... 2012. *Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»* С изменениями и дополнениями от 21 февраля, 04 июня 2014 г. — Доступно: <http://base.garant.ru/70204242/>. — Проверено: 13.01.2017.

Федеральный Закон... 2016. *Федеральный Закон О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. Принят Государственной Думой 24 июня 2016 г.* — Доступно: <http://www.refnews.ru/read/article/1393086/>. — Проверено: 13.01.2017.